

Вырезка из газеты

СОВЕТСКАЯ
КУЛЬТУРА

г. Москва

27 DEC 1971

Концерт с голубой розой

По утрам, когда я сбегаю по тропинке к морю, желудки лежали на земле, как стреляные гильзы. Никто из старожилов не помнил, чтобы желудки падали так рано. Примета сулила непогоду и суровую зиму. Однако, вопреки предсказаниям, море оставалось теплым, и сиюминутные радости заслоняли мысль о снежной круговерти и крещенских морозах.

Иногда прибежали штормы, чтобы напомнить земле о своем могуществе, и тогда в маленьких бухточках поселялись громадные фонтаны, и шум гальки был слышен далеко окрест. Падали туманы. И все же и штормы, и туманы были редкими. Погода баловала нас.

Однажды мне позвонил директор Никитского ботанического сада. Я хотел познакомиться с проектом реконструкции их учреждения. Условились встретиться после обеда. От Фороса до Ялты расстояние недалеко. В половине четвертого мы уже сидели с директором в его кабинете. Расстелив на письменном столе план-карту сада, директор толково объяснял, какой именно участок территории будет реставрироваться, перечислял названия дикорастущих растений и деревьев, которые будут завезены сюда из Ирана, Афганистана, с Галапагосских островов, уточнял названия научных тем, разрабатывать которые станут геологи, ботаники, биофизики. Вспомнил очень интересные опыты по селекции столовых сортов винограда, в которых так нуждаются хозяйства Крыма.

Я внимательно записывал все, о чем рассказывал директор. Но меня не покидало чувство какой-то неловкости. Директор — воплощение галантности — вдруг обрывал себя на полуслове и к чему-то прислушивался. Так говорят по теле-

фону из одной комнаты, прислушиваясь, что же творится в другой. В приоткрытую дверь долетел странный звук знакомой мелодии, очевидно, с проигрывателя. Что-то с ним случилось. Может быть, сломалась головка? «Белеет парус одинокий... белеет парус одинокий...»

В это время открылась дверь, и красивая пожилая дама, как показалось, с укоризной произнесла:

— Галина Сергеевна приехала.

Я забыл добавить, что день был субботний. Так что укоризна в тоне, очевидно, касалась меня: нечего, мол, тревожить людей в субботние дни. Сообщение о Галине Сергеевне я воспринял еще и как намек на то, что приехал кто-то очень близкий. Столько почтительности было в той фразе: «Галина Сергеевна приехала».

Директор ботанического сада тоже очень быстро положил телефонную трубку и сказал мне несколько виновато:

— Действительно, пора нам идти.

Заметив мое смущение, он добавил:

— Вы, очевидно, знакомы?

— С кем?

— С Галиной Сергеевной.

Я быстро сверился с памятью: нет, за последние недели не было у меня такого знакомства. Директор потоптался возле шкафа, смахнул несуществующие пылинки со своего прекрасного костюма и пригласил меня идти за собой. Мы открыли дверь, и я увидел Галину Сергеевну Уланову.

Она сидела на стуле. И вот это было неожиданно. Сколько я себя помню, всегда видел Уланову танцующей. Водопады выпрямляются в реки. Но почему сознание наше всегда охотнее запоминает движение?

Галина Сергеевна, загорелая, в белоснежном платье, крохотных туфельках, держала в руках голубую розу. Вы можете заметить, что таких роз не существует на свете. Но вы окажетесь неправыми. Я сам видел такую розу. Видел и слышал, как пожилая женщина, ботаник, взволнованно говорила:

— Я ее начала создавать с той поры, когда увидела вас впервые в «Жизели». Прошло 32 года. Я смогла. Она так и называется — роза «Галина Уланова».

Вот в таких обстоятельствах я узнал, что дирекция пригласила Уланову к себе на концерт. Галина Сергеевна отдыхала в санатории «Ай-Даниль». И вот зал заседаний, где только что слушались отчеты по научной работе, устали цветы. Галина Сергеевна вышла на сцену и стала рассказывать о самом любимом — о балете. Мне всегда нравится слушать профессионалов: точные слова, емкие образы. И мне подумалось, что уже давным-давно все, что создано Улановой на сцене, стало частью нашей культуры и останется в ней сегодня, завтра и всегда.

О чем еще просили ее рассказать? О себе, конечно. А это значит — о современном балете, его настоящем и будущем. И Галина Сергеевна отвечала. Кто-то робко передал записку, просил рассказать, как она добивается такой изящной фигуры. Рассмеявшись, Уланова сказала, что не прекращает гимнастики по сей день. Просто не представляет себе, как можно иначе.

А в это время сквозь зал шел Иван Семенович Козловский.

— Он тоже отдыхает в «Ай-Даниле», — добавил директор

ботанического сада. — Его мы тоже пригласили.

Как мне стало стыдно за мои мысли о проигрывателе. Я понял, что в соседней комнате Козловский тренировался, как говорят актеры, распевался. Впрочем, на стыд уже не оставалось времени. Козловский вышел на сцену.

— Я хочу, чтобы все здесь присутствующие видели Галину Сергеевну Уланову не только рассказывающей, но и танцующей, — сказал Козловский и пригласил актрису на тур вальса. Какое это было прекрасное зрелище! После нескольких па вальса Козловский остановился и сказал, что он будет петь. Прозвучал старинный романс «Я встретил вас...».

Что он делал с этим романсом! Сколько было в зале людей? Наверное, человек пятьсот. Так вот, для каждого Иван Семенович как бы творил лирическое зеркало этого романса. Мол, взгляните и откройте сами для себя то, что вы сможете открыть.

Я не стану лгать, что сам Иван Семенович Козловский выглядел моложе. Нет. Мужчине незачем стесняться своих лет. Что прожито — все наше. И все дело лишь в том, как прожито. Так вот, именно об этом и пел великий артист. Старинный романс в его исполнении утверждал красоту как начало отсчета координат, ведущих к подлинному счастью.

...Долго потом мне вспоминался этот неожиданный и блистательный концерт. И по утрам, когда я сбегаю вниз по тропинке, уже не замечал на земле пустых обойм желудей. А море, как всегда, было большим и прекрасным.

А. ПАЛЬМ.

ЯЛТА.